

не пускает. . . Мне обещали показать этого уroda. Вольтер также здесь; этого чудотворца на той неделе увижу. . . Из всех ученых удивил меня Д'Аламберт. Я воображал лицо важное, почтенное, а нашел премеpзкую фигуру и преподленькую физиономию» (II, 438, 448).

Еще более критической оказывается извлекаемая из тех же писем общая оценка литературного мира Франции.

«Видел я здешних лучших авторов. . . Все они, выключая весьма малое число, не только не заслуживают почтения, но достойны презрения. Высокомерие, зависть и коварство составляют их главный характер. . . Не могу вам довольно изъяснить, какими скаредами нашел я в натуре тех людей, коих сочинения вселили в меня душевное к ним почтение» (II, 443—444).

Или вот как Фонвизин рассказывает о своем общении с французскими литераторами.

«Мармонтель, Томас и еще некоторые ходят ко мне в дом; люди умные, но большая часть вдали. . . Самолюбие в них такое, что не только думают о себе, как о людях достойных алтарей, но и бесстыдно сами о себе говорят, что они умом и творениями своими приобрели бессмертную славу. Помнишь, какого мнения был о себе наш Сумароков и что он о своих достоинствах говаривал? Здесь все Сумароковы: разница только та, что здешние смешнее, потому что вид на них гораздо важнее» (II, 450).

В параллельных письмах к П. И. Панину к подобным отзывам присоединяется тема «ученых вралей»; Фонвизин также подробно обыгрывает «остроумие» французов, которое котируется в обществе столь высоко, что стало почти чертой национального характера и заменяет во Франции и ум, и добродетель:

«Надобно отдать справедливость здешней нации, что слова сплетают мастерски, и если в том состоит разум, то всякий здешний дурак имеет его превеликую долю. . . Чрез слово *разум* по большей части понимают они одно качество, а именно *остроту* его, не требуя отнюдь, чтобы она была управляема здравым смыслом. Сию остроту имеет здесь всякий без исключения, следовательно, всякий без затруднения умным здесь признается» (II, 463, 473).

Сама программа, внутренний стержень сатирических стихов Хвостова как бы заимствованы из письма Фонвизина к Панину от 14 июня 1778 г., в котором дается характеристика Парижа, его светской и интеллектуальной жизни, а также национального типа французов: «Разум их никогда на себя не обращается, а всегда устремлен на внешние предметы, так что всякий, *обращая на смех другого, никак не чувствует, сколько сам смешон*» (II, 474). Эта мысль проходит через все «Послание к творцу послания» применительно к самому Фонвизину. Вряд ли это простое совпадение, скорее прямое намерение и прямая цель памфлетиста. Хвостов использовал в «Послании» прием, широко распространенный в сатире XVIII в. Он заключается в том, что выбиралось какое-то сочинение, а затем по этой же схеме со-